

ХЕДЖИРОВАНИЕ В ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале немецкого и русского языков)

Для цитирования: *Сытько А. В.* Хеджирование в деонтических высказываниях (на материале немецкого и русского языков) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* 2023. Вып. 13. С. 392–412. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.122>

В статье рассматривают способы и средства снижения категоричности деонтического высказывания. Анализ проводится на материале корпусов национальных языков — русского и немецкого. В качестве общей задачи ставится вопрос о том, какие из компонентов участвуют в снижении категоричности деонтического высказывания, ядерным языковым эквивалентом которого в немецком и русском языках является деонтическая конструкция, состоящая из следующих обязательных компонентов: деонтического маркера, или предиката, т. е. выразителя модальной семантики; инфинитива смыслового глагола, обозначающего действие, которое призвано изменить положение вещей; деонтического субъекта, который потенциально может реализовать указанное действие, а также различных факультативных компонентов. Исследование носит комплексный характер, учитывает специфику и семантическое разнообразие всех компонентов модального высказывания с точки зрения их вклада в смягчение иллокутивной силы сообщения о долженствовании. Показано, что взаимосвязь деонтики и эпистемики на внутреннем уровне позволяет говорящему эксплицировать модус деонтического высказывания для осуществления прагматических задач. В статье впервые на основании корпусных данных выявляются и систематизируются средства модусного маркирования деонтического высказывания, являющегося путативным суждением; выявляются факультативные компоненты, указывающие на неопределенность, такие как темпоральные маркеры и кванторные слова, а также различные оценочные показатели, способствующие коммуникативному сотрудничеству и созданию положительного имиджа говорящего. Описываются семантические типы деонтического субъекта, участвующие в создании неопределенности высказывания. Рассматривается роль деонтического источника в снижении категоричности, экспликация которого модифицирует абсолютный характер нормы и позволяет говорящему объяснить причины необходимости. Систематизируются способы экспликации данного внеязыкового компонента деонтической ситуации. Раскрывается роль деонтического перформатива в хеджировании вводимого сообщения, которое благодаря перформативной формуле маркировано как информационно значимое. Представленные результаты вносят вклад в теоретическое понимание такого сложного феномена, как модальное высказывание.

Ключевые слова: долженствование, деонтическое высказывание, деонтический маркер/предикат, деонтический источник, деонтический перформатив, категоричность.

HEDGING IN DEONTIC STATEMENTS (on the material of German and Russian languages)

For citation: Sytko A. W. Hedging in deontic statements (on the material of German and Russian languages). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 392–412. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.122> (In Russian)

The article examines ways and means of reducing the categoricalness of the deontic statement. The analysis is carried out based on the corpora of national languages, Russian and German. The nuclear equivalent of a deontic utterance in German and Russian is a deontic construction consisting of the obligatory components such as a deontic marker/predicate; an infinitive of a semantic verb denoting an action aimed at changing the situation; the deontic subject, or potential performer, of a required action as well as various optional components. The study focuses on figuring out the components of the deontic construction involved in reducing the categoricalness of the deontic utterance. The study shows that the interconnection of deontics and epistemics in the deep structure allows explicating the putative mode of deontic utterances for speaker's pragmatic tasks. Based on the corpus data, it systematizes the means of marking the epistemic modus of a deontic statement. It reveals optional components marking fuzziness and indicating the uncertainty of necessity, which include temporal markers and quantifiers as well as various evaluative indicators contributing to communicative cooperation and creating a positive image of the speaker. It describes the semantic types of the deontic subject involved in the creation of the indefiniteness of the statement. The study addresses the role of the deontic source explication in reducing categoricalness. It reveals the role of the deontic performative in hedging the introductory message, which due to the performative formula is marked as informationally significant.

Keywords: obligation, deontic statement, deontic marker/predicate, deontic source, deontic performative, categoricalness.

1. Введение

Основным требованием к качеству коммуникативного процесса является достижение взаимопонимания. В наибольшей степени этому способствует формирование благоприятных условий общения, достигаемое в том числе за счет использования некатегоричных и нечетких высказываний, способы и средства создания которых представляют собой лингвистическое хеджирование, или «речевую осторожность», «речевое страхование».

Нечеткость — это природа языка, которая наделяет его различными прагматическими функциями. Хеджирование выполняет

«защитную трансформацию предложения и включает в себя лингвистические средства, которые функционируют на уровне межличностного общения» [Namsaraev 1997: 65]. Согласно Дж.Лакоффу, хеджирование представляет собой использование в речи слов и оборотов, «функция которых заключается в том, чтобы сделать понятия более или менее «неясными» [Lakoff 1972: 195]. Включая в высказывание определенный термин, выбирая определенную структуру или придавая высказыванию определенную интонацию, говорящий демонстрирует «свою частичную или полную отстраненность от самого объекта, о котором идет речь, либо от иллюкативной силы собственного высказывания» [Fraser 2008: 15]. Задача хеджирования заключается в целенаправленном смягчении выдвигаемых пропозиций и снижении их категоричности. Говорящий, предвосхищая возможное несогласие адресата с сообщением, пытается полностью или частично снять с себя ответственность за сообщение, абстрагироваться от своего реально произнесенного текста.

В. Намсараев обращает внимание на то, что хеджирование чаще всего рассматривается в рамках других лингвистических явлений, как, например, модальность [Namsaraev 1997: 65]. В этом плане представляется интересным рассмотреть способы и средства хеджирования, которые говорящий использует при реализации деонтического высказывания, которое как сообщение о принуждении к действию является достаточно интенсивным, что и составляет *цель* данной работы.

Деонтическое высказывание выражает отношение к способу изменения положения дел, т. е. к действиям, своим или окружающих, по непременно созданию иного положения дел. Семантическую «номенклатуру» деонтической ситуации составляют два разных с точки зрения онтологии компонента — языковой и внеязыковой. Внеязыковым компонентом выступает *деонтический источник*, или объективная причина, которая обуславливает изменение текущего положения и, таким образом, модальное отношение. Языковым компонентом деонтической ситуации является *модальное высказывание*, которое, в свою очередь, более сложно отображается в деонтической ситуации и включает в себя деонтический маркер, деонтический субъект (исполнитель действия) и смысловой глагол (способ изменения ситуации). Учитывая тот факт, что практически любая лингвистическая единица в зависимости от прагматических факторов может функционировать как хедж, возникает *вопрос*, ка-

кие компоненты деонтической ситуации и деонтического высказывания в частности участвуют в ослаблении иллюкативной силы, категоричности деонтического высказывания.

Эмпирическим материалом исследования послужили контексты, взятые из корпусов национальных языков, русского и немецкого [НКРЯ; DWDS], поскольку языковые корпуса национальных языков благодаря репрезентативности и сбалансированности языкового материала являются наиболее ценным источником данных, обеспечивающий достоверную информацию об актуальном и реальном использовании того или иного языкового выражения.

2. Модус деонтического высказывания и его экспликация

Благодаря деонтическому предикату модальная структура представляет собой высказывание со снятой утвердительностью, т.е. «говорящий не несет ответственности за ее истинность, т.е. не утверждает ее, а также не предполагает в виде презумпции» [Падучева 2015: 131], что позволяет исследователям относить модальные, в том числе и деонтические, предикаты к хеджам [Vlasyan 2018].

Деонтическое отношение к действию формируется на базе оценочных суждений в результате логической операции умозаключения. Таким образом, оно является путативным высказыванием-мнением о должествовании, накладываемом на потенциального исполнителя. Путативный «фундамент» деонтического высказывания свидетельствует о том, что его пропозиция лишена параметра истинности: компонент 'соответствует действительности' не является данным для деонтического высказывания, а входит в фокус коммуникативного интереса, находясь под вопросом [Шатуновский 2016: 46]. Это, в свою очередь, предоставляет свободу слушателю, оставляя ему пространство для выражения мнения, и позволяет говорящему услышать и принять во внимание мнение адресата, что обуславливает апеллятивные возможности деонтического высказывания, семантическую связность реплик в диалоге и соответственно характер ответной реплики на высказывание о должествовании. Так, ответом на *ты должен сделать P*, наряду с согласием или несогласием, также может выступать вопрос, являющийся общей реакцией на модусную часть высказывания (см.: [Арутюнова 1999]) и выражающий сомнение в правильности умозаключения либо сомнение в собственно необходимости действия:

- *Лев, ты должен непременно Диме помочь!*
- *Ты считаешь?*
- *Да, считаю! Я Сою хорошо помню, она очень милая* [НКРЯ].
- *Du musst wirklich damit aufhören, das zu fragen.*
- *Meinst du das ernst?* [DWDS] — «Тебе действительно нужно перестать спрашивать об этом. — Ты серьезно так думаешь?» (перевод здесь и далее мой. — А. С.)
- *Поднимайся, дружок, поднимайся. Первый час. Надо вставать.*
- *Надо? А зачем? Зачем, собственно, мне это надо?* [НКРЯ]

Деонтическое высказывание, адресованное непосредственно слушателю, является способом выражения побуждения, ср.: *ты должен сделать* \approx *сделай*, но при этом оно звучит менее категорично. В отличие от волеизъявления, которое указывает на желаемое говорящим действие и прямым средством выражения которого является императивная форма, деонтическое высказывание свидетельствует о выгоде от осуществления действия для его исполнителя, т. е. модальное суждение является с точки зрения аксиологии позитивным суждением: *надо сделать* $P = \text{хорошо}$, *если сделаешь* P .

Любое утверждение можно варьировать по шкале «категорическое — гипотетическое». Экспликация эпистемического модуса в деонтическом высказывании ([я *считаю*], *надо* P) является избыточной. Однако в речи отмечаются случаи выражения в поверхностной структуре модуса, оформленного различными способами и средствами. Модусная экспликация в деонтическом высказывании является способом апелляции к адресату и «сопряжена с желанием пригласить собеседника к обмену мнениями» [Задворная 2000: 33]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, модус становится эксплицитным, когда «мнение может быть оспорено» [Арутюнова 1989: 120], поскольку сам концепт мнения, включающий в себя смыслы 'другой', согласно Ю. Д. Апресяну, семантически сопряжен с идеей выбора [Апресян 2004: 395]. Говорящий предчувствует, что слушающий может отрицательно отреагировать на его высказывание, и, пытаясь избежать этой реакции, апеллирует к адресату при помощи модуса. Подобная тактика предположения и предупреждения негативной реакции адресата позволяет говорящему избежать излишней категоричности при выражении любого мнения в целом и деонтики в частности.

Модусное «обрамление» деонтического высказывания используется говорящим для указания на субъективность высказывания, для снятия ответственности за свой вывод о необходимости, например:

Моя точка зрения иная. Мы должны занять ясную, недвусмысленную позицию [НКРЯ].

Ich werde die Geschäfte in den nächsten Tagen an meinen Nachfolger übergeben und ich glaube, dass wir die Saison kritisch analysieren müssen. Das ist sicher [DWDS]. — «В ближайшие несколько дней я передам бизнес своему преемнику, и я думаю, нам нужно критически проанализировать сезон. Я уверен в этом».

Günther Kaufmann muss wohl die Schlusszene in seinem eigenen Krimi noch einmal umschreiben [DWDS]. — «Гюнтеру Кауфманну, вероятно, придется переписать финальную сцену в своем триллере».

Хотя, по мнению Кремля, ничего менять не надо [НКРЯ].

Таким образом, модусное «комментирование» деонтического высказывания реализуется с помощью следующих средств:

- эпистемических предикатов в персональной и имперсональной форме *думаю, полагаю / ich denke, glaube, vermute, schätze; принято думать, представляется / man denkt, man glaubt; убежден, уверен / ich bin überzeugt, sicher* и т. п.;
- модусных слов проблематической (*по идее, наверное, может, возможно, вероятно / vielleicht, wohl*) либо категорической достоверности (*конечно, определено, безусловно, разумеется / sicher, bestimmt*), которые «добавляют к эпистемической схеме 'возможность того, что р есть' новый компонент и «выносят» его в коммуникативный фокус» [Шатуновский 1988: 18];
- эвиденциальных единиц (*говорят / man sagt, по мнению / nach der Meinung, общее мнение*);
- инференциальных, не всегда связанных с путативностью, маркеров *выходит, получается, таким образом, значит / also, следовательно / folglich*, демонстрирующих выводной, причинно-следственный характер деонтического суждения;
- парафразы *то есть / das heißt, иными словами / andersum*.

Кроме этого, смягчение деонтического высказывания, придание ему предположительного характера осуществляется путем его трансформации в форму неместоименного вопроса. Подобная митигация является важнейшим средством взаимодействия в разговорной речи. Отметим, что вопросительная форма может включать в себя модусные слова и инференциальные маркеры:

*Herr Müller-Glissmann, an den wichtigsten Börsen weltweit geht es seit geraumer Zeit nur in eine Richtung: nach oben. **Müssen** wir uns allmählich vor einem Crash fürchten?* [DWDS]. — «Господин Мюллер-Глиссманн, самые важные фондовые биржи в мире уже некоторое время движутся только в одном направлении: вверх. Надо ли нам бояться краха?»

*Ведь тебе, **наверное, надо** умыться с дороги?* [НКРЯ].

***Так что, избиратель должен** идти голосовать за проект?* [НКРЯ].

Эксплицитно выражая субъективное, гипотетическое отношение к содержанию деонтического высказывания, говорящий демонстрирует, что могут быть и другие точки зрения относительно долженствования. Таким образом, говорящий стремится получить либо согласие речевого партнера с необходимостью действия, т. е. подтверждение правильности умозаключения (*да, [я тоже так считаю, надо P]*), либо услышать опровержение своего мнения о необходимости (*нет, [я считаю], не надо*).

3. Экспликация деонтического источника как способ хеджирования

В основе деонтического отношения лежат различные социальные условия, в соответствии с которыми говорящий субъект «объявляет» поступки/действия необходимыми. Обуславливающие выражение модального отношения причины именуются исследователями *деонтическими источниками* (deontic source в [Lyons 1977; Kratzer 1981]). Деонтические источники могут составлять общие фоновые знания коммуникантов (например, правила поведения за столом) или входить в пресуппозицию высказывания, что не предполагает их называния в речи. В ряде случаев этот внеязыковой по природе компонент деонтической ситуации эксплицируется в по-

верхностной структуре высказывания. И. Б. Шатуновский обращает внимание на то, что эксплицитная ссылка на обстоятельство делает необходимость «менее абсолютной» и «более относительной» [Шатуновский 1996: 230].

Так, указание на универсальную норму реализуется предложными конструкциями с предлогами *по, согласно, в соответствии с / laut, entsprechend, gemäß*; косвенной цитацией: *в законе говорится, сказано, правило гласит, устанавливает / im Vertrag steht, im Vertrag heißt es, im Vertrag ist festgelegt, im Vertrag ist vorgesehen* 'в договоре указано, установлено, в договоре предусмотрено' и т. п.:

По договору они должны освободить дома, как только перестают работать [НКРЯ].

В поверхностной структуре деонтического высказывания, базирующегося на ситуативных нормах, может присутствовать целый ряд экспликаторов причины необходимости. Так, если деонтическим источником выступают конвенциональные правила поведения, то высказывания могут содержать сравнительный оборот со значением причины с союзом *как*, который характеризует «идеализированный» субъект:

А молчать обязан, как член партии [НКРЯ].

В случае деонтического высказывания, обусловленного сложившимся положением дел, отмечается прямая номинация причины, а именно лексема *обстоятельство(-а) / Umstände*, в связи со сложившимися обстоятельствами / *durch Umstände*:

Он молчал и, казалось, собирался с духом. — Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец, — вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться... [НКРЯ].

Es gibt immer wieder unvorhersehbare Umstände, die erfordern, dass mehr Geld ausgegeben werden muss als erwartet [DWDS]. — «Снова и снова возникают непредвиденные обстоятельства, требующие того, что нужно потратить больше денег, чем ожидалось».

Указание на ситуативные договоренности оформляется либо предложной конструкцией с предлогом *по* и с существительным *уговор*, либо глаголом в прошедшем времени (*как*) *договорились*, *уловились* и т.п., который вводит изъяснительную придаточную часть, содержащую собственно деонтическое высказывание:

Мы условились, что они должны вернуться в 15 часов [НКРЯ].

Кроме этого, деонтическое высказывание детерминируется волеизъявлением другого лица, что фиксируется различными глаголами речи или существительными, указывающими на требование или предложение: *поручение*, *требование*, *условие/Auftrag*, *Forderung*, *Bedingung* и т.п., например:

В соответствии с поручением Президента, субъекты Российской Федерации должны завершить разработку собственных планов развития информационного общества до 1 мая этого года [НКРЯ].

*Da aber der Wirt von schreibenden Gästen allein nicht existieren kann, so hat er zur **Bedingung** gemacht, dass jeder Besucher mindestens einen blanken Kaffee verzehren muss* [DWDS]. — «Но поскольку домовладелец не может существовать за счет просто пишущих гостей, он поставил условие, что каждый гость должен выпивать хотя бы одну чашку простого кофе».

Экспликация деонтического источника обусловлена как прагматически, для снижения интенсивности деонтического высказывания, так и коммуникативно, для реализации аргументативно-экспланаторной функции, именно объяснение причин необходимости позволяет говорящему смягчить характер нормативного высказывания.

4. Маркеры неопределенности в деонтическом высказывании

Участвовать в создании размытости и неточности могут также и иные компоненты деонтического высказывания, такие как деонтический субъект (а именно семантический тип субъекта, который может быть выражен конкретным или обобщенным агентом 1, 2

или 3-го лица), деонтический маркер (безличный/личный и временная форма), а также некоторые факультативные компоненты.

Способом создания неопределенности выступает в высказывании деонтический субъект с неопределенным широким референциальным объемом. Речь идет об обобщенных субъектах *мы* и *вы*, использование которых типично для институциональной коммуникации:

Ich glaube, wir müssen nun die zeitweise so lächerlich gewordene Fahne der Vernunft und des Fortschritts „von neuem“ weitertragen [DWDS]. — «Я думаю, что мы должны “снова нести идею разума и прогресса, которая теперь стала такой смешной”».

Субъект без определенной референции, который оформляется в поверхностной структуре неопределенным местоимением *кто-то / jemand* (так называемые нереферентные местоимения см. [Падучева 2008: 93]), также создает контекст снятой утвердительности, как и любой деонтический предикат, что способствует еще большему размыванию ответственности говорящего, способом абстрагирования от называния лица, которое должно выполнить действия:

Auch die klügste Redaktion macht keine perfekte Zeitung. Und für alles, was nicht klappt, muss jemand gerade stehen [DWDS]. — «Даже самые умные редакторы не могут создать идеальную газету. И за все, что не работает, кто-то должен взять на себя ответственность».

Так, в следующем примере говорящий намеренно не использует отрицательное местоимение *никто*, хотя имеет ввиду именно отрицание:

Как я уже говорил (еще одна моя любимая фраза у писателей и публицистов — как будто кто-то должен помнить, что ты там написал год назад), все, что начинается на Kil, имеет отношение к церкви [НКРЯ]. ← никто не помнит

Неопределенность создают также безличные предикаты, которые употребляются для смещения коммуникативного фокуса на другой компонент деонтического высказывания в случае намеренной элиминации деонтического субъекта. Безличность, безуслов-

но, является типичной характеристикой русского языка, в котором существует ряд безличных деонтических предикатов, таких как *надо, нужно, следует, необходимо*:

Таинственный соперник. Его нужно опередить, а морду ему мы всегда успеем пощупать [НКРЯ]. ← нам нужно

Безличные маркеры могут использоваться в том числе и в грамматически субъектных конструкциях, т. е. с указанием субъекта в дательном падеже, однако по данным корпусов они составляют 40 833 вхождения, или 5,9 % выборки, т. е. гораздо чаще фиксируются грамматически бессубъектные структуры.

В немецком языке грамматическая бессубъектность невозможна. Эквивалентом русскоязычных бессубъектных конструкций выступают безличные структуры с местоимением *man* и *es*, а также пассивные конструкции:

Die Zeit ist fast rum, es muss ausgesiebt werden: Zwei Oberbegriffe sollen am Ende über allen stehen, höchstens (Die Zeit, 18.11.1999, Nr. 47) [DWDS]. — «Время почти истекло, нужно отсеять: в результате два общих понятия должны стоять выше всех».

Eine Teestube in Hamburg zu finden, ist nicht schwierig. Eine türkische Teestube mit einem bestimmten Fernsehprogramm zu finden, nun ja, da muss ein bisschen gesucht werden [DWDS]. — «Найти в Гамбурге чайную несложно. Но чтобы найти турецкую чайную с определенной телепрограммой, то нужно немного поискать».

При этом *man* предполагает референта субъекта, а безличное *es* является «пустым», имеющим лишь план выражения (например, *es muss sich sagen* ‘нужно сказать’; *es muss darauf ankommen* + Inf ‘это должно зависеть от’ и т. п.).

В русском языке пассивные деонтические конструкции также используются, однако их употребление крайне ограничено:

Так в той же статистике должно быть сказано, что более 80 процентов мужчин НЕ остается с детьми, то есть, они «приходящие» папы [НКРЯ].

Деонтические структуры характеризуются различной степенью темпоральной определенности. Темпоральные маркеры неопределенности, такие как *когда-нибудь, как-нибудь / an einem Tag, eines*

Tages, irgendwann, früher oder später, первичная функция которых состоит в маркировании временных характеристик деонтического высказывания, снижая степень конкретности сроков исполнения, обуславливают бóльшую степень абстрактности, что способствует снижению категоричности:

„*Man muss irgendwann Licht am Horizont sehen und aufpassen, dass man nicht gutes Geld schlechtem hinterherwirft*“, sagt Lange [DWDS]. — «В какой-то момент нужно увидеть свет на горизонте и быть начеку, чтобы не выбросить хорошие деньги», — говорит Ланге.

Его звали Федор Кампов, у меня сохранились его письма, надо как-нибудь посмотреть [НКРЯ].

Для смягчения утверждения говорящий встраивает в деонтическое высказывание такие кванторные слова, как *немного, малость, чуть-чуть / ein wenig, etwas, ein bisschen* как в значении ‘в течение небольшого промежутка времени; недолго’, так в лексико-семантическом варианте ‘в некоторой степени; чуть-чуть, слегка’ (о кванторных словах см. [Булыгина, Шмелев 1997: 201]):

Держись, надо немного потерпеть и подождать, пока твой малыш подрастет [НКРЯ].

Ein Kader mit 30 Spielern ist einfach zu groß, der muss ein wenig gestrafft werden [DWDS]. — «Команда из 30 игроков слишком велика, ее нужно немного упорядочить».

Отметим, что в деонтическом высказывании все указанные средства хеджирования могут использоваться одновременно, гармонично взаимодействуя и поддерживая друг друга при снижении категоричности.

5. Оценочные показатели в деонтическом высказывании как хедж

Хеджирование связано с отношением говорящего к описываемой ситуации, при этом отношение может быть не только модальным, но и эмоциональным. Аксиологическое суждение, возникающее в результате ситуативного противопоставления деонтики и волевитивности, в результате конфликта волеия и долженствования (*плохо, что надо P, потому что не хочет/хочу*), позволяет го-

ворящему при помощи деонтического высказывания реализовать прагматику сожаления, что осуществляется эксплицитно, а именно: или при помощи различных оценочных показателей, маркирующих негативные эмоции (*досадно, жаль, к сожалению / leider/ zu (meinem) / mit (großem) Bedauern, bedauerlicherweise, к несчастью / zu allem Unglück*), или благодаря деонтическому предикату, что возможно только в русском языке, в системе деонтических предикатов которого присутствуют единицы, реализующие семантику принуждения (деонтические лексемы *приходится (пришлось, придется)* и *вынужден*). Указанные единицы употребляются как самостоятельно, так и в комбинации друг с другом:

*Но в нашей стране обязательное среднее образование. Поэтому во семь классов тебе **придется** закончить. Хоть чуелом, хоть тушкой* [НКРЯ].

*Но, к **сожалению**, тебе **придется** прекратить занятия* [НКРЯ].

Подобное хеджирование отмечается в случаях, если деонтическое высказывание является вежливой негативной реакцией, а именно косвенным отказом: говорящий ссылается на необходимость осуществления действия P1, что является причиной отказа выполнить действие P:

*К **сожалению**, **должен** срочно уйти и Вас не увижу* [НКРЯ].

*Entschuldigung, **ich kann leider nicht** reinkommen... Ich hab noch zu tun, also mein Chef hat angerufen, **ich muss noch wohin... leider*** [DWDS].

— «Извините, к сожалению, я не могу войти... У меня еще есть работа, поэтому звонил мой босс, мне нужно куда-то идти... к сожалению».

6. Смещение темпорального плана как способ хеджирования

Деонтическое высказывание не является фактуальным. С точки зрения темпоральной семантики оно представляет собой утверждение с семантикой проективности, выражающее только необходимость действия без указания на его фактическое выполнение [Narrog 2005: 184]. Смещение темпорального плана в прошлое или использование сослагательности позволяет говорящему употреблять деонтическое высказывание для фиксации факта недостижения цели. Подобное оформление выносит в коммуникативный фо-

кус долженствование, что снижает категоричность утверждения о невыполненном действии, ср. *ты не сделал* ↔ *ты должен был сделать*:

Костя сидел на диване с холодным компрессом на распухающей ступне, Дашка суежилась вокруг в поисках бинтов. — Вот видишь! Она тебе предсказала! А ты должен был послушаться... Алисочка, а что теперь? [НКРЯ].

В отношении немецкого языка следует подчеркнуть семантическую разницу в использовании модальных глаголов в *Präteritum*. Глагол *müssen* выбирается, если действие в прошлом рассматривается как реализованное: *er musste vorige Woche nach Hause fahren, weil seine Mutter krank ist* — ‘на прошлой неделе ему пришлось поехать домой, потому что его мать заболела’ (необходимость + реализация, т. е. он поехал). В случае с глаголом *sollen* реализация остается открытой, очевидной только из контекста, и выражается только необходимостью в прошлом: *er sollte nach drei Tagen zurück sein, um an der Prüfung teilzunehmen* — ‘он должен был вернуться через три дня, чтобы сдать зачет’» [Helbig, Buscha 2011: 133].

7. Деонтические перформативы как способ хеджирования

Деонтические высказывания характеризуются тем, что в них могут функционировать зависимые смысловые глаголы разных семантических классов. Модальные высказывания с коммуникативными глаголами и с субъектом 1-го лица (*я, мы*) активно используются в перформативной функции. Они не описывают действительность, а равносильны самому осуществлению этого действия: *я должен сказать, что / ich muss sagen, dass ... = я говорю*. Как отмечает Е. В. Падучева, употребление любого модального предиката служит снятию коммуникативного выделения с речевого глагола, у которого изначально тематизирован компонент ‘говорение’ [Падучева 2008: 94, 138], ср.: *я говорю, что ...* ↔ *должен сказать, что...*

Основной прагматической задачей деонтического перформатива является актуализация фактитивной или оценочной информации, которая для данной ситуации характеризуется содержательной/информационной значимостью. Благодаря путативной

основе деонтического высказывания (*считаю, что должен сказать*) такая форма представления информации «страхует» ответственность говорящего за ее неверность и предвосхищает возможное несогласие, что особенно важно, если последующая пропозиция содержит негативную информацию.

Деонтические конструкции отличаются от других модализованных перформативов тем, что благодаря семантике модальных маркеров («не могу иначе», иными словами, «здесь и сейчас я не могу промолчать») они могут вводить пропозицию с отрицательным знаком оценки, т.е. сообщать о том или то, что субъект считает неприятным для адресата. Е. М. Вольф отмечает в этой связи, что по знаку оценки такие высказывания противостоят высказываниям с модальностью возможности, которые нейтральны или имеют знак «+»: *я могу сообщить Вам, что р* [Вольф 2002: 124]:

Es muss gesagt werden, dass die Führung Chinas den Vertrag negativ bewertete und bewertet [DWDS]. — «Надо сказать, что руководство Китая оценило и оценивает договор негативно».

Снижение категоричности самого деонтического перформатива осуществляется всеми указанными выше средствами: пассивизацией конструкции (что ограничено сферой употребления), включением в нее модальных слов проблематической достоверности, при помощи таких факультативных компонентов, как эмоциональные маркеры (*к сожалению, с сожалением, с прискорбием, с грустью, как ни грустно / leider, zu meinem Bedauern*, а также метафорические показатели частной оценки (*с тяжелым сердцем*) и т.п.), в русском языке также благодаря деонтическим предикатам *вынужден, приходится*. Аксиологически маркированные деонтические перформативы не снижают значимости вводимого сообщения. Их использование связано с желанием говорящего скрыто извиниться за возможный неприятный эффект от своих слов (*не хочу, но должен сообщить*), что способствует коммуникативному сотрудничеству:

К сожалению, должен сообщить вам неприятное известие: несколько лет тому назад говорящий кот скончался во время очередного выступления, будучи не в состоянии произнести слово «неоколониализм» [НКРЯ].

С тяжёлым сердцем я должен признаться, что все мои усилия пропали даром и даже, к моему ужасу, дали обратный результат [НКРЯ].

Viele Menschen haben völlig falsche Vorstellungen vom Reinigungsberuf, und ich muss leider sagen, dass der Film diese Vorurteile eher bestätigt als abbaut [DWDS]. — «Многие люди имеют совершенно неправильные представления о профессии уборщика, и, к сожалению, должен сказать, что фильм скорее подтверждает этот стереотип, чем опровергает».

Деонтические перформативы активно расширяются также иными оценочными лексемами, которые указывают на отношение говорящего к пропозиции, а именно единицами, выражающими искренность и правдивость высказывания (*справедливости ради, объективно, правда, честно, прямо, открыто, объективно / (ganz) ehrlich, ehrlicherweise, offen und ehrlich*), которые относятся к коммуникативному глаголу, ср.: *должен честно, прямо сказать, что р = скажу честно, что р / если честно, то р*, например:

Ich muss ehrlich sagen, dass so eine Helmpflicht vermessen wäre. Die Zuschauer würde das vielleicht beruhigen, weil es für sie sicherer aussieht, weil man es mit dem Rad oder Motorradfahren vergleicht [DWDS]. — «Должен честно сказать, что требовать такой шлем было самонадеянным. Возможно, это успокоит аудиторию, потому что для них это выглядит безопасно и сравнивается с ездой на велосипеде или мотоцикле».

Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, вынужден честно заявить, что мы получили после смерти Сталина тяжелое наследство [НКРЯ].

Данные единицы способствуют поддержанию коммуникативного престижа говорящего, при этом они участвуют в увеличении категоричности конструкции, поскольку подчеркивают уверенность говорящего в том, что говорится.

8. Заключение

Деонтическое высказывание представляет собой сложное языковое образование, в котором все компоненты теснейшим образом взаимосвязаны и реализуют различные семантические и прагматические задачи, поскольку конкретные высказывания существуют не для того, чтобы выразить ту или иную модальную

категорию, а направлены на то, чтобы передать речевой смысл. Семантика деонтического высказывания свидетельствует о его категоричности, поскольку сообщение о необходимости обязательного изменения положения дел является интенсивным. При этом семантическое разнообразие компонентов деонтического высказывания и их языковое воплощение в конкретной речевой ситуации позволяют говорящему внести в его семантику некоторую неопределенность. Таким митигирующим потенциалом обладает прежде всего деонтический субъект, референциальный объем которого говорящий может намеренно варьировать: или модифицируя конкретного исполнителя в неопределенного, или расширяя референциальный объем до обобщенного, или элиминируя деонтический субъект из поверхностной структуры. Пассивизация деонтической конструкции дает возможность не называть потенциального исполнителя. Кроме этого, расширение деонтического высказывания факультативными компонентами, указывающими на нечеткость и расплывчатость прежде всего темпоральных параметров осуществления необходимого действия, позволяет говорящему ослабить иллокутивную силу. Различные оценочные показатели не снижают категоричность, но реализуют прагматику сожаления, защищая говорящего от критики о сообщении о необходимости, что способствует коммуникативному сотрудничеству и созданию положительного имиджа говорящего. Смещение временного плана в прошлое позволяет завуалированно указать на неосуществленное действие.

Имманентное присутствие эпистемического компонента в деонтическом суждении дает возможность экспликации модуса модального высказывания для осуществления определенных прагматических задач, прежде всего для снижения категоричности, оставляя «последнее» слово за адресатом. При этом путативный модус оформляется также посредством трансформации модального высказывания в вопросительную форму.

Экспликация внеязыкового компонента деонтической ситуации, т.е. деонтического источника, не снижает категоричности модального высказывания, конкретная ссылка на причину необходимости снимает ответственность с говорящего и модифицирует абсолютный характер нормы.

Типичным хеджем выступает такой вид деонтического высказывания, как деонтический перформатив, основной функцией

которого является маркирование информационной значимости пропозиции речевого глагола. При этом снятая утвердительность деонтического высказывания позволяет снизить риски говорящему, который предполагает, что названная информация может быть оспорена.

Все указанные средства снижения категоричности деонтического высказывания оказываются в немецком и русском языках идентичными. В зависимости от того или иного типа речевой практики увеличивается тот или иной способ хеджирования в деонтическом высказывании.

Источники иллюстративного материала

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2022).

DWDS — Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 31.10.2022).

Справочные материалы

Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозиционных установок) // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 7–30.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки, 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 260 с.

Задворная Е. Г. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий. Минск: Изд-во МГЛУ, 2000. 270 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. 5-е изд., испр. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.

Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39 (2). P. 129–162. <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6>

Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 477 с.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М.: Языки русской культуры, Кошелев, 1996. 399 с.

Шатуновский И. Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. М.: Наука, 1988. С. 18–22.

Fraser B. A brief history of hedging // *Vagueness in Language* / ed. by St. Schneider. Bingley: Emerald Publishing, 2008. P. 87–91.

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin; München; Wien; Zürich [u. a.]: Langenscheidt, 2011. 654 S.

Kratzer A. The notional category of modality // *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics* / ed. by H. J. Eikmeyer and H. Rieser. Berlin: W. de Gruyter, 1981. P. 38–74.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Chicago Linguistic Society Papers*. 1972. Vol. 8. P. 183–228.

Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. 897 p.

Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts // *Hedging and Discourse*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1997, P. 64–79.

Narrog H. Modality, mood and change of modal meanings: A new perspective // *Cognitive Linguistics*. 2005. Vol. 16 (4). P. 677–731. <https://doi.org/10.1515/cogl.2005.16.4.677>

Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory // *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspect: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. Vol. 39. P. 685–890. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98>

References

Arutyunova N. D. *Language and the world of man*. 2nd ed., corr., Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russian)

Arutyunova N. D. “Polagat” and “videt” (on the problem of mixed propositional attitudes). *Logicheskii analiz iazyka: problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov*, AN SSSR, In-t iazykovoznaniia, ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 7–30. (In Russian)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Linguistic Conceptualization of the World (based on Russian Grammar)*. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1997, 576 p. (In Russian)

Wolf E. M. *Functional semantics of evaluation*. 2nd ed., add., Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 260 p. (In Russian)

Zadvornaya E. G. *The subject of utterance and discourse: A speaking person and a thinking person*. Minsk, Izd-vo MGLU Publ., 2000, 270 p. (In Russian)

Paducheva E. V. *Utterance and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics*, 5th ed., rev. Moscow, LKI Publ., 2008, 296 p. (In Russian)

Paducheva E. V. Suspended assertion and nonveridicality: The case of Russian Negative Polarity Items. *Russian Linguistics*, 2015, Vol. 39 (2), pp. 129–162. <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6> (In Russian)

Shatunovsky I. B. *Speech actions and actions of thought in Russian*. Moscow, Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2016, 477 p. (In Russian)

Shatunovsky I. B. *Sentence semantics and non-referential words: meaning, communicative perspective, pragmatics*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, Koshelev Publ., 1996, 399 p. (In Russian)

Shatunovsky I. B. Epistemic verbs: communicative perspective, presumptions, pragmatics. *Logicheskij analiz iazyka: Znanie i mnenie*, Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 18–22. (In Russian)

Fraser B. A brief history of hedging. *Vagueness in Language*, ed. by St. Schneider, Bingley, Emerald Publishing, 2008, pp. 87–91.

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin, München, Wien, Zürich [u. a.], Langenscheidt, 2011, 654 S.

Kratzer A. The notional category of modality. *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics*, ed. by H. J. Eikmeyer and H. Rieser, Berlin, W. de Gruyter, 1981, pp. 38–74.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Chicago Linguistic Society Papers*, 1972, Vol. 8, pp. 183–228.

Lyons J. *Semantics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1977, vol. 2, 897 p.

Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. *Hedging and Discourse*, Berlin; New York, W. de Gruyter, 1997, pp. 64–79.

Narrog H. Modality, mood and change of modal meanings: A new perspective. *Cognitive Linguistics*, 2005, vol. 16 (4), pp. 677–731. <https://doi.org/10.1515/cogl.2005.16.4.677>

Vlasyan G. R. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspect: The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*, 2018, Vol. 39, pp. 685–890. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98>

Сытько Анна Васильевна

доцент, заведующая кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук
Адрес: Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21

Anna W. Sytko

Associate Professor, Head of German Phonetics and Grammar Department, Minsk State Linguistic University, Candidate of Philological Sciences
Address: 21, ul. Zacharova, Minsk, 220034, Republic of Belarus

E-mail: anns55555@yahoo.de

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.